

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин

Distr.: General
13 March 2024
Russian
Original: English

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин

Мнения в отношении сообщения № 157/2020, принятые Комитетом в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола^{*,**}

<i>Сообщение представлено:</i>	Е.Д. и М.Д. (интересы которых представляет адвокат Татьяна Лишанкова)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	авторы сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Беларусь
<i>Дата подачи сообщения:</i>	10 апреля 2020 года
<i>Справочная информация:</i>	препровождено государству-участнику 8 мая 2020 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия мнений:</i>	12 февраля 2024 года

1. Сообщение подано Е.Д. и М.Д., гражданками Беларуси, родившимися в 1984 и 1988 годах соответственно. Авторы утверждают, что стали жертвами нарушения Беларусью их прав, вытекающих из статей 1, 2 а)–f), 3 и 5 а) Конвенции. Конвенция и Факультативный протокол к ней вступили в силу в отношении государства-участника 3 сентября 1981 года и 3 мая 2004 года соответственно. Интересы авторов сообщения представляет адвокат Татьяна Лишанкова.

Факты в изложении авторов

2.1 15 марта 2017 года Е.Д. (первый автор сообщения) участвовала в санкционированном массовом мероприятии, закрыв лицо маской, что предположительно противоречит закону о массовых мероприятиях Беларуси. В результате милицией был составлен протокол об административном правонарушении, и

* Приняты Комитетом на его восемьдесят седьмой сессии (29 января — 16 февраля 2024 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Бренда Акья, Хироко Акидзуки, Николь Амелин, Мэрион Бетел, Летисия Бонифас Альфонсо, Рангита де Сильва де Альвис, Коринна Деттмейер-Вермёлен, Хилари Гбедема, Марианна Микко, Майя Морси, Ана Пелаэс Нарваэс, Рода Реддок, Эльгюн Сафаров, Геноева Тишева, Цзе Ся и Эстер Эгобамьен-Мшелия.

16 марта суд Центрального района Минска приговорил автора к 12 суткам административного ареста. В тот же день она объявила голодовку. С 16 по 24 марта Е.Д. содержалась в Центре изоляции правонарушителей Главного управления внутренних дел Минского городского исполнительного комитета (далее — ЦИП). 24 марта она была переведена в изолятор временного содержания Управления внутренних дел Жодинского городского исполнительного комитета (далее — ИВС), где содержалась до освобождения 27 марта.

2.2 15 марта 2017 года М.Д. (второй автор) была задержана по подозрению в совершении мелкого хулиганства¹, когда направлялась на санкционированное массовое мероприятие. В результате 16 марта суд Первомайского района Минска приговорил ее к 14 суткам административного ареста. С 16 по 24 марта она находилась в ЦИП. 24 марта ее перевели в ИВС, где она содержалась до своего освобождения 29 марта.

2.3 Оба автора утверждают, что условия их содержания в ЦИП были унижительными и дискриминационными по отношению к ним как к женщинам. В частности, они были лишены возможности должным образом поддерживать личную гигиену, поскольку их вынуждали мыться в камерах. Учитывая значительную нехватку в изоляторе сотрудников-женщин, за камерами, как правило, следили мужчины. В каждой из камер было по две видеокамеры, установленных на потолке, поэтому сотрудники ЦИП мужского пола могли наблюдать за авторами сообщения, пока они переодеваются, моются и пользуются туалетом. Кроме того, сотрудники-мужчины в любое время могли наблюдать за ними через глазки в дверях камер, в том числе тогда, когда авторы были раздеты. Е.Д. также утверждает, что видела две видеокамеры в женском душе. Кроме того, в изоляторе не было средств менструальной гигиены, поэтому авторам приходилось пользоваться тканью или ватой и объяснять свои потребности сотрудникам-мужчинам.

2.4 Что касается их содержания в ИВС, оба автора утверждают, что в их камерах не было горячей воды, а принимать душ им разрешалось только раз в неделю. Они заявили, что администрация ИВС лишила их возможности соблюдать элементарные правила гигиены и не предоставила М.Д. мыло и туалетную бумагу. В камерах было очень холодно, и авторам приходилось мыться холодной водой, что, по их словам, не только было унижительно само по себе, но и представляло опасность для их здоровья.

2.5 Из-за условий содержания М.Д. получила инфекционное заражение мочевыводящих путей, а впоследствии у нее был диагностирован цистит. Врач в изоляторе не осмотрел ее после того, как она сообщила ему о своих проблемах со здоровьем. По прибытии Е.Д. в ИВС 24 марта ей было приказано раздеться и выполнять подъем корпуса, что было не только унижительно, но и опасно, учитывая плохое состояние ее здоровья, так как она крайне ослабла в результате голодовки, которую начала 16 марта 2017 года.

2.6 Оба автора также утверждают, что все сотрудники ИВС были мужчинами и что они могли наблюдать за ними через глазок или иным образом в любой момент, в том числе когда авторы пользовались туалетом или мылись. Санитарные узлы в камерах не были огорожены ни стенами, ни ширмами, поэтому авторы не могли уединиться, в первую очередь от сотрудников-мужчин.

¹ Никакой дополнительной информации по этому поводу предоставлено не было, равно как и какой-либо копии соответствующего судебного решения.

Исчерпание внутренних средств правовой защиты

2.7 Оба автора подали отдельные жалобы на условия содержания в ЦИП в Главное управление внутренних дел Минского городского исполнительного комитета и в Прокуратуру города Минска. Кроме того, они направили в Управление внутренних дел Минского областного исполнительного комитета и в Прокуратуру Минской области отдельные жалобы на условия содержания и дискриминацию по признаку пола в ИВС. Они также приняли участие в подаче коллективных жалоб на условия содержания под стражей в обоих учреждениях². Их жалобы на дискриминацию не были рассмотрены соответствующими органами.

2.8 Кроме того, оба автора подали в Министерство внутренних дел отдельные жалобы на дискриминацию по признаку пола в местах содержания под стражей. В своем ответе Министерство сообщило авторам, что расследования, проведенные в связи с их жалобами, не выявили никаких нарушений действующего законодательства. Не удовлетворившись ответом властей, Е.Д. и М.Д. направили в суд Центрального района Минска отдельные жалобы на бездействие Министерства внутренних дел. 30 августа 2018 года суд объединил жалобы авторов в одно дело.

2.9 31 августа 2018 года, после слушаний, проведенных в отсутствие авторов, суд Центрального района Минска отклонил их жалобы. В ходе разбирательства суд изучил результаты расследований по жалобам авторов, однако эти документы были объявлены не подлежащими оглашению и не были приобщены к материалам дела. Кроме того, Министерство внутренних дел отклонило ходатайство Е.Д. об ознакомлении с результатами расследований.

2.10 8 октября 2018 года авторы обжаловали решение суда Центрального района Минска в Минском городском суде, который 15 ноября оставил решение суда низшей инстанции без изменения. Решение от 31 августа вступило в силу в тот же день. Авторы утверждают, что таким образом они исчерпали доступные внутренние средства правовой защиты.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что государством-участником были нарушены их права, вытекающие из статей 1, 2 а)–f), 3 и 5 а) Конвенции.

3.2 В частности, авторы заявляют, что государство-участник не приняло во внимание их особые потребности как женщин, в том числе потребности физиологического характера, во время содержания под стражей, что равносильно дискриминации по признаку пола в нарушение статьи 1 Конвенции.

3.3 Авторы также утверждают, что плохие условия содержания в указанных двух местах содержания под стражей не позволяют должным образом удовлетворять особые потребности задержанных-женщин и что отсутствие у властей знаний о гендерной дискриминации свидетельствует о несоблюдении государством-участником пункта d) статьи 2 Конвенции. В частности, государство-участник не обеспечило, чтобы его государственные органы и учреждения действовали в соответствии с обязательством безотлагательно всеми соответствующими способами проводить политику ликвидации дискриминации в отношении женщин.

3.4 Авторы сообщают, что в законодательстве государства-участника отсутствуют специальные положения, определяющие дискриминацию в отношении женщин, или какие бы то ни было положения, предусматривающие специальные

² Авторы не предоставили копии коллективных жалоб, к которым они присоединились.

меры или санкции, направленные на ликвидацию дискриминации в отношении женщин. Авторы утверждают, что в нарушение пункта f) статьи 2 Конвенции государство-участник не приняло всех соответствующих мер, включая законодательные, для изменения или отмены действующих законов, постановлений, обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин. Авторы поясняют, что государство-участник, таким образом, не смогло «принять закон, запрещающий в соответствии с Конвенцией дискриминацию женщин во всех сферах их жизнедеятельности и на протяжении всей их жизни», как того требует Комитет в общей рекомендации № 28 (2010), касающейся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции.

3.5 Авторы также заявляют, что отсутствие специального законодательства о ликвидации дискриминации в отношении женщин не позволило им вести эффективную защиту по своему делу перед властями государства-участника, что противоречит пунктам а) и б) статьи 2 Конвенции.

3.6 Авторы утверждают, что им было отказано в возможности ознакомиться с результатами расследований, проведенных Министерством внутренних дел в связи с их жалобами. Национальные суды провели экспертизу их исков о дискриминации, но рассматривать их не стали. Авторы заявляют, что государство-участник таким образом нарушило пункт с) статьи 2 Конвенции, не обеспечив с помощью компетентных национальных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин против любого акта дискриминации.

3.7 Авторы утверждают, что государство-участник также нарушает пункт е) статьи 2 Конвенции, поскольку оно не приняло все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин со стороны какого-либо лица, организации или предприятия.

3.8 Авторы ссылаются также на то, что в обоих учреждениях отсутствуют какие-либо особые помещения, строения или камеры, специально предназначенные для содержания задержанных-женщин. Они утверждают, что эти условия равнозначны непринятию во всех областях всех соответствующих мер, включая законодательные, для обеспечения всестороннего развития и прогресса женщин, с тем чтобы гарантировать им осуществление и пользование правами человека и основными свободами на основе равенства с мужчинами, и, соответственно, составляют нарушение статьи 3 Конвенции.

3.9 Авторы утверждают, что государство-участник не обеспечило защиту достоинства, неприкосновенность частной жизни и физическую и психологическую безопасность авторов в местах содержания под стражей. Таким образом, оно также не приняло всех соответствующих мер для изменения социальных и культурных моделей поведения мужчин и женщин с целью достижения ликвидации дискриминационной практики, что противоречит статье 5 а) Конвенции³.

3.10 С учетом вышеизложенного авторы просят Комитет призвать государство-участник устранить нарушения их прав и предоставить им надлежащее возмещение в виде денежной компенсации. Кроме того, авторы просят Комитет рекомендовать государству-участнику принять меры для предотвращения подобных нарушений в будущем, в частности: увеличить число сотрудников-женщин в местах содержания под стражей; организовать надлежащее обучение соответствующего персонала по вопросам, касающимся особых потребностей женщин и их прав; обеспечить физическую и психологическую безопасность задержанных-женщин, в том числе путем недопущения наблюдения со стороны сотрудников-

³ Авторы ссылаются на дела *Шумилин против Беларуси* (CCPR/C/105/D/1784/2008) и *Абрамова против Беларуси* (CEDAW/C/49/D/23/2009).

мужчин; обеспечить доступ к медицинскому обслуживанию с учетом гендерных особенностей; обеспечить доступ к средствам и предметам гигиены, необходимым для удовлетворения особых потребностей женщин; надлежащим образом расследовать заявления о дискриминации в отношении женщин и наказывать виновных; и принять законодательные нормы, прямо запрещающие все формы дискриминации в отношении женщин.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 21 декабря 2020 года государство-участник представило свои замечания, касающиеся сообщения авторов. Государство-участник описывает фактические обстоятельства дела. Оно поясняет, что, хотя органы власти согласовали проведение демонстрации 15 марта 2017 года, участники нарушили разрешенный формат и процедуру (использовали незарегистрированные флаги, скрывали лица и так далее). Максимальное согласованное число участников (1000 человек) также было превышено: собралось около 1600 человек. Организаторы мероприятия не предприняли необходимых мер для того, чтобы прекратить это.

4.2 Перед началом мероприятия авторы были задержаны милицией: Е.Д. — за сокрытие своего лица маской и неисполнение законных требований сотрудника милиции; а М.Д. — за мелкое хулиганство и неисполнение законных требований сотрудника милиции. Сотрудники милиции составили протоколы о нарушении авторами соответствующих статей Кодекса об административных правонарушениях. Суд приговорил авторов к административному аресту (Е.Д. — на срок 12 суток, а М.Д. — на срок 14 суток).

4.3 Согласно данным из Единого государственного реестра правонарушений, Е.Д. ранее привлекалась к административной ответственности за нарушения шесть раз, а М.Д. — четыре раза. Авторы имели право обжаловать судебные решения об их административном аресте, но не воспользовались этим правом.

4.4 Е.Д. отбывала административное заключение с 16 по 24 марта 2017 года в ЦИП и с 24 по 27 марта 2017 года в ИВС. М.Д. отбывала административное наказание с 16 по 24 марта 2017 года в ЦИП и с 24 по 29 марта 2017 года в ИВС.

4.5 Не обжаловав судебные решения о своем административном аресте, авторы обратились с жалобами на неудовлетворительные условия содержания и дискриминацию в ЦИП и ИВС в Министерство внутренних дел, в Главное управление внутренних дел Минского городского исполнительного комитета, Управление внутренних дел Минского областного исполнительного комитета, Прокуратуру города Минска и Прокуратуру Минской области. По этим жалобам были проведены расследования, и авторы были проинформированы о том, что никаких признаков нарушений со стороны сотрудников милиции обнаружено не было.

4.6 Правовой статус женщин, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, регулируется Уголовно-процессуальным кодексом и Законом о порядке и условиях содержания лиц под стражей № 215-Z от 16 июня 2003 года (далее — «Закон о содержании под стражей»). Статья 2 Закона, посвященная принципам содержания лиц под стражей, гласит, что дискриминация лиц, содержащихся под стражей, по признаку пола не допускается. Содержание лиц под стражей осуществляется на принципах законности, гуманизма, равенства всех граждан перед законом, уважения человеческого достоинства в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, общепризнанными принципами и нормами международного права, а также международными договорами и не должно сопровождаться жестоким, негуманным обращением, которое может

нанести ущерб физическому или психическому здоровью лица, содержащегося под стражей. Лица, содержащиеся под стражей, имеют равные права, независимо от пола, национальности, имущественного и социального положения, принадлежности к общественным организациям или отношения к религии.

4.7 В соответствии со статьей 31 Закона о содержании под стражей, касающейся раздельного размещения в камерах, размещение задержанных в камерах производится с учетом их личности и психологической совместимости. Мужчины и женщины размещаются раздельно. Надзор во время проведения санитарной обработки и личного досмотра задержанных осуществляет сотрудник центра для содержания под стражей задержанных правонарушителей того же пола, что и заключенный. Для соблюдения этих стандартов в штат сотрудников ЦИП и ИВС включены женщины, что соответствует требованиям пункта 3 правила 81 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) в том, что касается надзора над находящимися в заключении женщинами со стороны сотрудников женского пола.

4.8 Порядок приема и размещения задержанных лиц, их материального обеспечения, оказания медицинской помощи, обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия и встреч задержанных лиц с защитниками устанавливается Правилами внутреннего распорядка учреждений, в которых отбывается наказание в виде административного ареста, утвержденными постановлением Министерства внутренних дел № 313 от 20 октября 2015 года.

4.9 За время содержания в ЦИП (восемь дней) авторам была предоставлена возможность один раз принять душ, что не противоречит пункту 44 Правил внутреннего распорядка (не реже одного раза в неделю).

4.10 В соответствии с требованиями пунктов 37 и 39 Правил внутреннего распорядка все камеры ЦИП оборудованы умывальниками и кранами с проточной водой. Охлажденная кипяченая вода для питья предоставляется в камеры ежедневно и по требованию, что также соответствует пункту 2 правила 22 Правил Нельсона Манделы.

4.11 Задержанные женщины обеспечиваются средствами личной гигиены в соответствии с пунктом 38 Правил внутреннего распорядка⁴. Указанный порядок соответствует правилу 5 Правил Организации Объединенных Наций, касающихся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила).

4.12 Нормы микроклиматических условий в камерах ЦИП и ИВС, нормы санитарных удобств на одного человека, содержащегося в камере, а также требования к освещению, вентиляции и системам отопления камер установлены в Кодексе об административных правонарушениях.

4.13 В камерах ЦИП и ИВС есть центральное водяное отопление. В течение отопительного сезона температура в камерах и остальных помещениях поддерживается на уровне не ниже 18°C. Все камеры в ЦИП и ИВС оборудованы системой принудительной приточно-вытяжной вентиляции и естественной вытяжкой.

⁴ Количество средств личной гигиены, выдаваемых женщинам на трехдневный период, составляет 10 г мыла и 2,5 м туалетной бумаги. При необходимости использования гигиенических прокладок или тампонов выдается шесть штук на три дня.

4.14 Нормы санитарных помещений на одного человека в камерах ЦИП и ИВС полностью соответствуют требованиям части 1 статьи 18.7 Кодекса об административных правонарушениях и составляют 4 м² на человека.

4.15 Согласно пункту 116 Правил внутреннего распорядка встречи между авторами и их адвокатом проходили в специально оборудованном помещении ЦИП. В этой связи наличие металлических прутьев перед авторами во время их общения с адвокатом не нарушало действующее законодательство. При этом соблюдались требования статьи 117 Правил внутреннего распорядка об обеспечении конфиденциального общения задержанного лица с адвокатом без ограничения числа и продолжительности бесед.

4.16 В соответствии с подпунктом 7.2 Типового положения о центре изоляции правонарушителей органов внутренних дел, утвержденного приказом МВД № 393 от 26 августа 2013 года, сотрудники ЦИП и гражданский персонал для выполнения возложенных на них задач осуществляют наблюдение и контроль за задержанными лицами. Охранник на внутреннем посту наблюдения за задержанными, содержащимися в камерах ИВС, обязан обходить камеры не реже одного раза в 15 минут и вести постоянное наблюдение за задержанными, используя смотровые глазки в дверях камер и технические средства наблюдения. Те же действия выполняет охранник на внутреннем посту наблюдения за задержанными, содержащимися в камерах ЦИП. Помещения ЦИП и ИВС должны быть оборудованы системами охранного видеонаблюдения высокого разрешения, позволяющими просматривать видеозаписи и выводить на экран изображения с телевизионных камер на рабочем месте сотрудника отдела внутренних дел (ЦИП и ИВС), с тем чтобы можно было дистанционно наблюдать за задержанными и заключенными и контролировать выполнение сотрудниками своих обязанностей.

4.17 На основании вышеизложенного Министерство внутренних дел считает необоснованными утверждения авторов о незаконном размещении камер наблюдения в камерах ЦИП и ведении регулярного наблюдения за задержанными со стороны сотрудников ЦИП и ИВС. С учетом изложенного выше результаты расследования подтверждают, что у авторов нет обоснованных доводов о совершении в их отношении действий, которые нарушали бы Правила Нельсона Манделы, Бангкокские правила или законодательство Беларуси.

4.18 Авторы подали жалобы в суд Центрального района Минска в отношении действий (бездействия) Министерства внутренних дел. 30 августа 2018 года гражданские дела по жалобам авторов были объединены в одно гражданское дело. 31 августа жалобы авторов были отклонены. Суд оценил все доводы и доказательства, представленные сторонами, а также все обстоятельства, имеющие значение для дела, и пришел к обоснованному выводу об отсутствии нарушений.

4.19 По каждому из заявлений, описанных авторами в их сообщении, Министерство внутренних дел провело расследование, в ходе которого были запрошены необходимые документы и письменные объяснения сотрудников ЦИП и ИВС. По результатам расследования был подготовлен отчет, в котором указывалось, что в связи с задержанием авторов не было обнаружено признаков нарушений сотрудниками действующих законов и правил. Таким образом, ответы, предоставленные Министерством внутренних дел авторам, соответствуют выводам расследования, проведенного по их жалобам, и суд обоснованно отказал авторам в удовлетворении жалоб на действия (бездействие) Министерства внутренних дел. Соответственно, утверждения авторов о нарушении государством-участником статей 1, 2 (пункты а) — ф) и 3 Конвенции являются необоснованными.

4.20 15 ноября 2018 года решение суда Центрального района Минска от 31 августа 2018 года было оставлено в силе Судебной коллегией по гражданским делам Минского городского суда. Таким образом, решение суда Центрального района Минска от 31 августа 2018 года вступило в законную силу 15 ноября 2018 года. Авторы имели право подать иск о пересмотре в порядке надзора решения Судебной коллегии по гражданским делам Минского городского суда от 15 ноября 2018 года, но не воспользовались этим правом. Срок подачи иска о пересмотре судебного решения в порядке надзора уже истек, но при определенных условиях авторы еще могут подать его в Прокуратуру. С учетом изложенного выше нет оснований полагать, что авторы исчерпали все внутренние средства правовой защиты, имеющиеся в государстве-участнике. В силу этого сообщение авторов является неприемлемым.

Комментарии авторов к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

5.1 7 октября 2021 года авторы представили свои комментарии к замечаниям государства-участника. Авторы подчеркнули, что государство-участник подтвердило, что Е.Д. содержалась в ЦИП с 16 по 24 марта 2017 года и в ИВС с 24 по 27 марта 2017 года. Государство-участник также подтвердило, что М.Д. содержалась в ЦИП с 16 по 24 марта 2017 года и в ИВС с 24 по 29 марта 2017 года.

5.2 Авторы заявляют, что информация о ранее наложенных на них административных санкциях, предоставленная государством-участником, не имеет отношения к рассмотрению настоящего сообщения.

5.3 Авторы заявляют, что утверждение государства-участника о том, что авторы не обжаловали решения об их административном задержании, не соответствует действительности. Авторы действительно не обжаловали досудебное заключение под стражу, произведенное сотрудниками милиции, так как сразу после задержания были доставлены в суд. Тем не менее оба автора обжаловали решения суда об их административном аресте. 16 марта 2017 года Е.Д. подала в Минский городской суд апелляционную жалобу на решение суда Центрального района Минска. 24 марта эта апелляция была рассмотрена и отклонена. М.Д. также обжаловала решение суда об административном аресте, но никаких документов, подтверждающих обжалование, не сохранилось. В то же время авторы отмечают, что наличие или отсутствие апелляций в отношении досудебного заключения под стражу или содержания под стражей, назначенного судом, не может влиять на рассмотрение настоящего сообщения, касающегося дискриминации в период содержания под стражей.

5.4 Что касается заявления государства-участника о том, что были проведены расследования и авторы были проинформированы об их результатах, то авторы указывают, что в ответах властей содержатся только утверждения о том, что нарушений выявлено не было. В них отсутствует информация о том, в течение какого времени проводились эти расследования, какая процедура была применена и какие органы их проводили. Авторы вновь заявляют о том, что государство-участник не предоставило им результаты этих расследований. Государство-участник также не приложило к своим замечаниям никаких документов, в которых подтверждались бы его заявления, касающиеся расследований.

5.5 В своих замечаниях государство-участник привело выдержки из различных законов и нормативных актов. Авторы вновь заявляют, что в Беларуси нет ни одного отдельного закона, запрещающего дискриминацию любого рода, в том числе дискриминацию в отношении женщин. В соответствии с пунктом 10 общей рекомендации № 28:

одно из обязательств государств-участников заключается в том, чтобы не допускать дискриминации в отношении женщин, вызванной действием или бездействием; они также обязаны активно реагировать на случаи дискриминации в отношении женщин, независимо от того, от кого — от государства или частных субъектов — исходят эти действия или бездействие. Дискриминация может иметь место вследствие неспособности государств принять необходимые законодательные меры, направленные на обеспечение всестороннего осуществления прав женщин, неспособности принять национальные стратегии в целях достижения равенства между женщинами и мужчинами и неспособности обеспечить выполнение соответствующих законов.

Согласно пункту 15 общей рекомендации: «Термин “дискриминация во всех ее формах” явным образом налагает на государства-участники обязательство проявлять бдительность в плане осуждения всех форм дискриминации, в том числе форм, явно не оговоренных в Конвенции, или возможных новых форм дискриминации». Таким образом, в отсутствие специального законодательства о борьбе с дискриминацией те проявления дискриминации, которые имели место в отношении авторов, могут повториться в будущем.

5.6 Авторы далее подчеркивают, что утверждение государства-участника о том, что «в штат ЦИП и ИВС включены женщины», не подкреплено никакими доказательствами.

5.7 Указывая, что «за время содержания в ЦИП (восемь дней) авторам была предоставлена возможность один раз принять душ, что не противоречит пункту 44 Правил внутреннего распорядка (не реже одного раза в неделю)», государство-участник подтверждает утверждение авторов о том, что им была предоставлена возможность принять душ только один раз.

5.8 Государство-участник также не отрицает тот факт, что во время содержания авторов сообщения под стражей за ними велось наблюдение. Государство-участник не представило никаких доказательств того, что в период, когда авторы содержались под стражей, в ЦИП или ИВС имелись сотрудники женского пола. Государство-участник не опровергло утверждения авторов о том, что сотрудники-мужчины смотрели в глазок, что видеокамеры, расположенные в камерах ЦИП, были направлены на умывальники или что сотрудники-мужчины могли видеть женщин, содержащихся под стражей, когда те пытались помыться. Согласно пункту 9 общей рекомендации № 28: «обязательство выполнять требует от государств-участников принятия широкого круга мер, направленных на обеспечение равенства прав женщин и мужчин де-юре и де-факто (...). Речь идет об обязательствах, касающихся мер или деятельности, а также об обязательствах в отношении результатов». Внутренние правила, касающиеся принятия душа раз в неделю, распространяются на всех заключенных, но эти правила дискриминируют женщин, которые вынуждены мыться под постоянным наблюдением сотрудников-мужчин. Авторы отмечают, что государство-участник не опровергло их утверждения о том, что в ЦИП и ИВС туалеты видны через глазок и что сотрудники-мужчины могли наблюдать за женщинами в туалете.

5.9 Наконец, государство-участник утверждает, что авторы не исчерпали все доступные внутренние средства правовой защиты, поскольку не подали иск о пересмотре в порядке надзора решения суда Центрального района Минска от 30 августа 2018 года. Авторы подчеркивают, что направление иска о пересмотре в порядке надзора не гарантирует пересмотр гражданского дела, а лишь позволяет подать заявление тому должностному лицу, которое решает, передавать ли эту жалобу в суд. Авторы отмечают практику Комитета по правам человека, касающуюся роли пересмотра в порядке надзора в отношении исчерпания

внутренних средств правовой защиты. При рассмотрении сообщений о нарушениях прав жертв в рамках уголовного судопроизводства Комитет отметил, что подача жалоб о рассмотрении в порядке надзора не является «обжалованием» по смыслу пункта 5 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Например, в соображениях, принятых Комитетом в отношении сообщения № 2120/2011 (*Ковалева и Козяр против Беларуси*, [CCPR/C/106/D/2120/2011](#)), Комитет отметил в пункте 11.6 относительно пересмотра в порядке надзора:

Такая процедура пересмотра решения в порядке надзора применяется только к уже вступившим в силу судебным решениям и поэтому представляет собой чрезвычайную процедуру обжалования, которая может использоваться по усмотрению судьи или прокурора. Когда такой пересмотр имеет место, он ограничивается только вопросами права и не допускает повторной оценки фактов и доказательств и поэтому не может считаться «обжалованием» для целей пункта 5 статьи 14.

Процедура пересмотра окончательных судебных решений в порядке надзора является экстраординарным средством правовой защиты, носит дискреционный характер и ограничивается рассмотрением только вопросов права; соответственно, она не является эффективным средством правовой защиты для целей пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах⁵. Как и в случае с уголовным судопроизводством, подача иска о пересмотре в порядке надзора не является эффективным средством правовой защиты в гражданском производстве. В связи с изложенным выше заявители по-прежнему поддерживают первоначально поданное ими сообщение в полном объеме.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 В соответствии с правилом 64 своих правил процедуры Комитет должен принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу. В соответствии с положениями пункта 4 правила 72 Комитету надлежит решить этот вопрос до рассмотрения сообщения по существу.

6.2 Согласно положениям подпункта а) пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола Комитет убедился в том, что этот вопрос еще не был рассмотрен и не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что сообщение следует признать неприемлемым в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты, поскольку авторы не подавали председателю Верховного суда Беларуси иски о пересмотре в порядке надзора решения Судебной коллегии по гражданским делам Минского городского суда от 15 ноября 2018 года и не обращались с жалобами на решения судов в прокуратуру. Комитет напоминает, что согласно пункту 1 статьи 4 Факультативного протокола он не может рассматривать сообщение, пока не удостоверится в том, что все доступные внутренние

⁵ См. Комитет по правам человека, *Гелазаускас против Литвы* ([CCPR/C/77/D/836/1998](#)), *Королько против Российской Федерации* ([CCPR/C/100/D/1344/2005](#)), *Умаров против Узбекистана* ([CCPR/C/100/D/1449/2006](#)), *Геращенко против Беларуси* ([CCPR/C/97/D/1537/2006](#)), *П.Л. против Беларуси* ([CCPR/C/102/D/1814/2008](#)) и *Тулженкова против Беларуси* ([CCPR/C/103/D/1838/2008](#)).

средства правовой защиты были исчерпаны, за исключением случаев, когда применение таких средств правовой защиты неоправданным образом затягивается или вряд ли принесет искомый результат. В этой связи Комитет напоминает о том, что ходатайства к председателю суда о пересмотре в порядке надзора судебных решений, вступивших в законную силу, зависят от дискреционных полномочий судьи и являются чрезвычайным средством правовой защиты. Государство-участник должно показать, что такое ходатайство с определенной степенью вероятности действительно может составить эффективное средство правовой защиты в обстоятельствах данного дела. Однако в данном случае государство-участник не показало, применялась ли успешно в делах, подобных рассматриваемому делу, процедура подачи председателю Верховного суда ходатайства о пересмотре в порядке надзора и если применялась, то как часто. Комитет также отмечает, что обращение в прокуратуру с ходатайством о пересмотре вступивших в законную силу судебных решений не является средством правовой защиты, которое должно быть исчерпано в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола⁶. С учетом этих обстоятельств Комитет приходит к выводу об отсутствии препятствий для рассмотрения им данного сообщения в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола.

6.4 Комитет принимает к сведению утверждения авторов о том, что они не смогли ознакомиться с результатами расследований, инициированных Министерством внутренних дел, и что суды, рассмотрев их жалобы о дискриминации, отклонили их, не обеспечив тем самым этим женщинам защиту от дискриминации. Вместе с тем Комитет считает, что авторы не обосновали эти утверждения в достаточной степени для целей приемлемости. В связи с этим Комитет объявляет утверждения авторов, касающиеся пункта с) статьи 2 Конвенции, недостаточно обоснованными для целей приемлемости и неприемлемыми в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.5 Комитет признает данное сообщение приемлемым в части, касающейся вопросов, относящихся к статьям 1, 2 (пункты а), b) и d)–f)), 3 и 5 (пункт а)), и приступает к его рассмотрению по существу. Комитет также считает, что в сообщении поднимаются вопросы существа в соответствии со статьей 12 Конвенции.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, предоставленной ему авторами сообщения и государством-участником, как это предусмотрено положениями пункта 1 статьи 7 Факультативного протокола.

7.2 Комитет принимает к сведению утверждения авторов о том, что их содержание в плохих, не отвечающих требованиям гигиены и унижающих достоинство условиях в обоих местах содержания под стражей, где не учитывались их особые потребности как женщин, в том числе потребности физиологического характера, равносильно дискриминации по признаку пола. Он далее отмечает утверждения авторов о том, что в местах содержания под стражей отсутствуют какие-либо особые помещения, строения или камеры, предназначенные для содержания задержанных-женщин, и что государство-участник не обеспечило защиту их достоинства, неприкосновенности частной жизни и физической и психологической безопасности в этих местах, что составляет нарушение Беларусью своих обязательств по статьям 1, 2 (пункты а), b) и d)–f)), 3 и 5 (пункт а)) Конвенции.

⁶ См., *mutatis mutandis*, *Малей против Беларуси* (CCPR/C/129/D/2404/2014), п. 8.4, и *В.П. против Беларуси* (CEDAW/C/79/D/131/2018), п. 6.3.

7.3 Комитет отмечает, что государство-участник не представило достаточных разъяснений по существу этих утверждений, а ограничилось общим описанием помещений в местах содержания под стражей (например, камер, оборудования и мебели), включая ссылки на отдельные примеры, такие как предоставление охлажденной кипяченой воды для питья один раз в день или один эпизод, когда авторам было разрешено принять душ. По мнению Комитета, хотя это описание может иметь отношение к делу, оно необязательно касается существа утверждений авторов, например того факта, что туалеты были открытыми настолько, что при пользовании ими авторы могли быть видны охранникам мужского пола. Кроме того, государство-участник никак не прокомментировало утверждения авторов о том, что персонал мест содержания под стражей был исключительно мужским и что в результате этого авторы подвергались дискриминации по признаку пола.

7.4 Комитет напоминает, что в соответствии с положениями статьи 3 Конвенции и правила 81 Правил Нельсона Манделы заботу о находящихся в заключении женщинах и надзор над ними следует возлагать только на сотрудников женского пола. Он далее ссылается на свою общую рекомендацию № 35 (2017) о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенную для обновления общей рекомендации № 19, согласно которой дискриминация в отношении женщин по смыслу статьи 1 охватывает насилие в отношении женщин, которое определено в пункте 6 общей рекомендации № 19 как «насилие, совершаемое над женщиной в силу того, что она — женщина, или насилие, которое оказывает на женщин несоизмеримое воздействие. Это включает в себя действия, которые причиняют ущерб или страдания физического, психического или полового характера, угрозу таких действий, принуждение и другие формы ущемления свободы»⁷. В соответствии с пунктом 7 b) общей рекомендации № 19 Комитет вновь заявляет, что «насилие в отношении женщин, затрудняющее или сводящее на нет пользование женщинами правами человека и основными свободами», включая «право не подвергаться пыткам и жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания», является дискриминацией по смыслу статьи 1 Конвенции⁸.

7.5 Комитет напоминает о том, что тот факт, что в местах содержания под стражей не учитывались особые потребности женщин, является дискриминацией по смыслу статьи 1 Конвенции. Так, в соответствии с положениями пункта 2 статьи 4 Конвенции пункт 2 принципа 5 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (резолюция 43/173 Генеральной Ассамблеи, приложение), гласит, что меры, специально предназначенные для удовлетворения особых потребностей находящихся в заключении женщин, не рассматриваются как дискриминационные. Необходимость применения учитывающего гендерную специфику подхода к проблемам, с которыми сталкиваются женщины, содержащиеся под стражей, была также одобрена Ассамблеей в ее резолюции 65/229, содержащей Бангкокские правила.

7.6 В данном случае авторы заявляют не только о плохих условиях содержания, но и о том, что весь персонал мест содержания под стражей состоял из мужчин. Надзор за авторами сообщения как за задержанными-женщинами осуществляли только охранники мужского пола, которые имели неограниченный визуальный и физический доступ к ним и к другим задержанным-женщинам. В этой связи Комитет напоминает, что согласно правилу 81 Правил Нельсона Манделы:

⁷ См. также общую рекомендацию № 28, п. 19.

⁸ В этой связи см. CAT/C/54/2, пп. 63 и 64.

1. В тюремных учреждениях, где содержатся как мужчины, так и женщины, женское отделение должно находиться в ведении ответственного сотрудника женского пола, в руках которой должны находиться ключи, открывающие доступ к данному отделению.
2. Ни один сотрудник мужского пола не допускается в женское отделение, если только он не сопровождается сотрудником женского пола.
3. Заботу о находящихся в заключении женщинах и надзор над ними следует возлагать только на сотрудников женского пола. Это не должно, однако, мешать сотрудникам мужского пола, в частности врачам и учителям, выполнять свои профессиональные обязанности в женских исправительных учреждениях или отведенных для женщин отделениях тюремных учреждений.

Эта важная гарантия, основанная на недопущении дискриминации в отношении женщин в соответствии со статьей 1 Конвенции, была подтверждена Комитетом в его заключительных замечаниях в отношении докладов государств-участников⁹, а также Комитетом по правам человека в пункте 15 его замечания общего порядка № 28 (2000) о равноправии мужчин и женщин и в докладе Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях¹⁰.

7.7 Комитет отмечает, что охранники могли наблюдать за авторами через дверные глазки во время их личных занятий, таких как пользование туалетом, который находился внутри камеры и прикрывался только с одной стороны ширмой, призванной создать иллюзию уединенности, но не мешающей смотреть на туалет со стороны двери. Эти утверждения не были оспорены государством-участником. Комитет напоминает, что уважение частной жизни и достоинства задержанных-женщин должно иметь высокий приоритет для тюремного персонала. Комитет считает, что неуважительное обращение с авторами со стороны сотрудников пенитенциарных учреждений, а именно сотрудников мужского пола, включая неоправданное вмешательство в их частную жизнь, является проявлением дискриминации по смыслу статьи 1 и пункта а) статьи 5 Конвенции в соответствии с разъяснением, содержащимся в общей рекомендации № 35. Комитет полагает, что конкретное нежелательное поведение сексуального характера со стороны охранников-мужчин равносильно сексуальным домогательствам, которые являются одной из форм гендерного насилия и могут быть унижительными, а также могут представлять собой проблему для здоровья и безопасности. Комитет считает, что в данном случае достоинству авторов был причинен ущерб, а кроме того, им были причинены моральный ущерб и вред в результате оскорбительного и унижающего достоинство обращения, сексуальных домогательств и негативных последствий для здоровья во время содержания под стражей. В свете вышесказанного Комитет приходит к выводу, что государство-участник не выполнило свои обязательства по статьям 2 и 5 (пункт а)) Конвенции¹¹.

⁹ См., например, заключительные замечания Комитета по шестому периодическому докладу Йемена (CEDAW/C/YEM/CO/6).

¹⁰ E/CN.4/2000/68/Add.3, п. 44; см. также ст. 10 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и CAT/OP/27/1.

¹¹ См. *Абрамова против Беларуси*, п. 7.7, и *Р. Г. против Кыргызстана* (CEDAW/C/77/D/133/2018).

7.8 В соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола и с учетом вышеизложенных соображений Комитет полагает, что государство-участник не выполнило свои обязательства по статьям 1, 2 (пункты a), b) и d)–f)), 3, 5 (пункт a)) и 12 Конвенции.

8. Комитет выносит государству-участнику следующие рекомендации:

a) в отношении авторов сообщения:

i) предоставить авторам полное возмещение вреда, включая достаточную финансовую компенсацию, соразмерную тяжести нарушений их прав;

ii) предоставить надлежащие медицинские услуги для устранения негативных последствий как физического, так и психологического характера для здоровья авторов;

b) в целом:

i) принять меры для обеспечения защиты достоинства и частной жизни, а также физической и психологической безопасности женщин-заключенных во всех местах содержания под стражей, включая предоставление надлежащих помещений и предметов, необходимых для удовлетворения особых гигиенических потребностей женщин, в соответствии с Конвенцией и Бангкокскими правилами;

ii) обеспечить доступ женщин-заключенных к медицинской помощи с учетом гендерных факторов, включая необходимые услуги психологов в местах содержания под стражей и пенитенциарных учреждениях;

iii) обеспечить эффективное расследование заявлений задержанных-женщин о перекрестной дискриминации и жестоком, бесчеловечном или унижающем достоинство обращении;

iv) обеспечить гарантии защиты задержанных-женщин от всех форм злоупотреблений, включая злоупотребления на гендерной почве, и обеспечить, чтобы обыски задержанных-женщин и надзор над ними осуществляли должным образом подготовленные сотрудники женского пола, в соответствии с Конвенцией и Бангкокскими правилами и в рамках национального законодательства и мониторинга его соблюдения;

v) обеспечить, чтобы весь персонал (как мужчины, так и женщины), назначаемый для работы с задержанными, проходил надлежащую подготовку по вопросам, касающимся особых гендерных потребностей и прав человека задержанных-женщин, в соответствии с Конвенцией и Бангкокскими правилами;

vi) разработать стратегии, руководящие принципы и всеобъемлющие программы, обеспечивающие удовлетворение потребностей задержанных-женщин и заключенных-женщин при уважении их достоинства и основных прав человека;

vii) признать случаи сексуальных домогательств в местах содержания под стражей одной из форм дискриминации и гендерного насилия в отношении женщин и разработать руководящие принципы, протоколы и стандарты, касающиеся надлежащего поведения охранников в таких обстоятельствах, предоставив задержанным-женщинам эффективные средства правовой защиты в этом отношении.

9. В соответствии с пунктом 4 статьи 7 Факультативного протокола государство-участник надлежащим образом рассматривает мнения Комитета вместе с его рекомендациями и представляет Комитету в течение шести месяцев

письменный ответ, в том числе информацию о любых мерах, принятых с учетом мнений и рекомендаций Комитета. Государству-участнику также предлагается опубликовать настоящие мнения и рекомендации, перевести их на официальные национальные языки и обеспечить их широкое распространение на территории государства-участника, с тем чтобы довести их до сведения всех слоев общества.
